
Александр Димидов

СТЕРВЫ

Рассказ

Лена Брянчикова родилась в Михайловске, в брежневские времена, когда Екатеринбург был еще Свердловском. Отец ее работал мастером прокатного цеха на местном заводе по производству фольги. Мать — бухгалтером при писчебумажной фабрике. Лена была младшей из трех детей. Семья Брянчиковых жила в добротном деревянном доме, поставленном пятьдесят лет назад дедом Лены — Семёном Брянчиковым. Держали подсобное хозяйство: огород, сад, птицу. Жили вровень со всеми. Ни в чем особо не нуждались.

Сьюзан Найли появилась на свет в тот же день, что и Лена, в городе Риджуэй, штат Айова. Ее отцом был фермер-протестант. Матерью — медсестра в госпитале Святого Антония. Дом, в котором жили Найли, достался отцу Сьюзан по наследству. Все еще красивый двухэтажный особняк, метров на пятьдесят отстоявший от хозяйственных построек. Отец был потомственным агрономом. Подряжался выращивать кукурузу, овес, пшеницу, горох — и многое другое, в чем была потребность у оптовых продавцов штата. Иногда он отгружал свою продукцию соседям — в Иллинойс или Канзас. Последний чаще других страдал от засух, ураганов и пылевых бурь. Так что канзасские фермеры порой вспоминали индейское проклятье: демона, слизывающего плодородную землю.

С семи лет Лену отдали в музыкальную школу по классу фортепиано. Отец купил старое пианино, и впятером, с соседями, сгрузив с заводского ЗИЛа, его внесли в дом, установили в гостиной. Частное пианино в Михайловске было в диковинку. Обычно таких усилий требовала мебель при переезде с места на место или вынос покойника. Лена занималась по вечерам. Дважды в неделю она посещала музыкальную школу, где молодой педагог Тамара Андреевна учила ее держать осанку и правильно ставить руки.

Начальная школа, в которой училась Сьюзан, находилась в пятнадцати милях от дома. Каждое утро напротив посыпанной гравием дорожки останавливался школьный автобус. В нем уже сидели дети других фермеров. Сью устраивалась подальше, в самый конец, и редко с кем-то разговаривала. Это время она использовала для чтения. Читать Сьюзан любила, а заниматься домашними делами — нет. Но жить на земле значило так или иначе принимать участие в фамильном деле. Этот уклад передавался из поколения в поколение. Поэтому Сьюзан рано поняла, что уедет из дома, как только

Александр Димидов родился в 1972 году в Черновцах (УССР). Магистр филологии (преподаватель русского языка и литературы), дипломированный переводчик с английского языка. Печатался в журнале «Новый Берег». Живет в городе Эймс, штат Айова, США.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

повзрослеет. Она училась хорошо не потому, что ей нравились предметы, а преследуя свою тайную цель. Хорошие отметки открывают дорогу в большой мир.

В старших классах у Лены появилась первая любовь — мальчик из параллельного класса Коля Симонов. Оказалось, все это время они ходили в школу и возвращались из нее домой одной и той же дорогой. Однажды Коля отогнал от Лены бродячую собаку. Так и познакомились. Коля был на год старше. Он носил Ленин портфель и давал ей списывать домашнее задание, когда она не успевала сделать его сама. Почерк у него был крупный, размашистый. Коля занимался спортом, был капитаном классной футбольной команды и из года в год поддерживал марку круглого «хорошиста». В школе поползли слухи. Некоторое время их дразнили «женихом и невестой». Они договорились, что будут выходить из школы и приходить в нее порознь, чтобы не давать повода дуракам.

Отец Сьюзан понимал, что заставлять дочь заниматься хозяйством из-под палки — глупая затея. Крупные агрохолдинги все больше наступали на частные фермерские хозяйства. Отслеживая эту динамику год за годом, отец свыкся с мыслью, что однажды передаст свои акры в пользование каким-нибудь толстосумам за гарантированную ренту. Это противоречило фермерскому духу, который все еще жил в нем, но избавляло от необходимости нести риски, тратиться на удобрения и всю свою жизнь следить за погодой. В дочери ему нравились ее пунктуальность, напористость и рассудительность. Прекрасные качества для менеджера. Жаль, что применять их ей, скорее всего, придется в чужих краях.

Он согласился оплатить половину стоимости обучения в колледже, плюс полный пансион. За год до окончания школы Сьюзан получила родительский подарок ко дню рождения — подержанную «Тойоту Королла» с приемлемым пробегом, в очень хорошем состоянии. В тот же день она бросила своего парня Грега, внимательного, застенчивого юношу, потому что больше не нуждалась в его колесах. Впервые у Сьюзан появилась возможность покинуть родительский дом самостоятельно и не зависеть от чужого транспорта. Нечего и говорить, что свой первый автомобиль она боготворила.

Лена мечтала стать врачом. С распадом Советского Союза родители — с разницей в полтора года — оказались безработными. Заводы закрывались по всей стране. Старшие братья — боксеры — подались в Москву. Отец — в Екатеринбург на заработки. Мать стала распродавать на местном рынке запасы канцелярии, которыми ей несколько последних лет платили зарплату. Лена поступила в мединститут, сама, с первого раза. Чтобы помочь семье и иметь возможность прилично одеваться, она стала подрабатывать в ночном киоске на промзоне. Хозяином киосков был армянин Давид. К Лене он не приставал и платил исправно. Он знал ее братьев.

Лена рано поняла, что рассчитывать нужно только на себя. Государство, которому посвятили всю свою жизнь ее родители, перестало существовать, а то, которое родилось ему на смену, плевать хотело на ежедневные потребности живущих в нем людей. Каждый выживал как мог. В городе часто отключали свет. Иногда Лене приходилось торговать при свечах. Железный, обложенный внутри пенопластом и липовой вагонкой киоск быстро остывал на ледяном ветру, и чтобы не замерзнуть, Лене приходилось кутаться в матросский бушлат, согреваться спиртным. Однажды ее положением воспользовался сменщик, пришедший раньше обычного. Вино и свечи, молодой парень с ненасытным блеском в глазах. Она отдалась почти добровольно, неожиданно обрадовавшись мысли, что перестанет быть недотрогой.

В колледже Сьюзан заработала репутацию зубастой расчетливой стервы. Она сразу оказалась на хорошем счету у преподавателей, поскольку всегда улавливала суть вопроса, доходчиво излагала нетривиальные взгляды и последовательно их

отстаивала. Умение рассуждать, подкрепленное прекрасным знанием предмета, выделяло ее среди других студенток. По вечерам она подрабатывала в фастфудах и на студенческом кампусе. Постоянного парня у нее не было. Зато было немало друзей, с которыми при случае выходило славно потусить и выпустить пар. Она была практична до мозга костей — воплощенная бритва Оккама. Учеба нравилась ей как самый краткий путь к взрослой, самостоятельной, обеспеченной жизни. В парнях она видела носителей пениса — эстетически уродливой штуки, которую время от времени следовало пристраивать между ног, дабы насытить свое женское естество и получить известное удовольствие. Она выбирала их по форме ягодиц. Без глупых обещаний, привязанности и общих планов на будущее.

Лена выпустилась с отличием, но ей все равно пришлось ждать полтора года, пока появилось место в ординатуре. Уже через месяц она пожалела о своем выборе. Больницы постсоветского периода имели удручающий вид. Старое оборудование, ободранные стены, нищие пациенты. Врачам платили гроши. Привыкшая выкарабкиваться из вечных финансовых ям, Лена больше всего боялась свыкнуться с этой безнадегой, утратив вкус к жизни. Она не хотела обживать в воронке — разрисовывать скаты сырой земли под обои и ставить в углубление зеркало.

Когда молодой хирург Алексей Твитин, давно оказывавший знаки внимания, предложил ей руку, она согласилась. Твитин был сыном профессора, человеком талантливым и мягким. Родители жениха подарили им кооперативную квартиру в центре Екатеринбурга. Лена забеременела. На восьмом месяце она обнаружила в кармане пиджака супруга упаковку презервативов. Но ничего не сказала. Твитин мог увлекаться. Как врач, ежедневно видевший боль и страдания, он иногда пускался в мелкие интрижки, пытаясь в порыве полового наслаждения стереть картины ранимой человеческой плоти. Она решила простить ему этот профессиональный приапизм, если он не коснется интересов семьи. Ее поразила собственная рассудительность. И она спросила себя, а не является ли легкость ее заочного прощения доказательством отсутствия любви?

Еще до получения диплома магистра МБА Сьюзан взяли на работу в престижную компанию в Чикаго на правах младшего специалиста. Компания занималась инвестиционным консалтингом. Сьюзан бойко, но тактично растолкала новичков и к концу второго года получила свой первый портфель клиентов. Ее заметили. С ней стали считаться. Она переехала из съемной комнаты в собственную квартиру — в престижном районе с видом на парк и озеро. Купила новый автомобиль, напоминающий профиль акулы. Безупречная в деловых туалетах, она практиковала агрессивный сексизм на полукорпоративных вечеринках, где обычно собирались все важные игроки среднего звена, но никогда не скатывалась до вульгарности.

Во время одной из таких party она встретила Ника Торнтонна, директора по инвестициям в чикагском филиале «Голдман и Сакс». После коктейлей у них возникло обоюдное желание уединиться. Они отправились в отель, провели волшебную ночь. И спешно расстались, даже не обменявшись телефонами. Но через неделю посыльный доставил в ее квартиру роскошный букет из семидесяти роз с запиской. Ник приглашал ее на романтический ужин в одном из самых престижных клубных ресторанов. Через полгода он все-таки упросил ее переехать к нему. Еще через два года, когда она возглавила новый отдел, они поженились и провели медовый полумесяц — 12 дней — на Карибах. Их совокупного дохода хватало с лихвой на то, чтобы оформить кредит на роскошный особняк в пригороде. С бассейном, кортом, зимним садом, гаражом на четыре автомобиля и летним домиком для гостей. Сьюзан родила двух детей — девочку и мальчика. Уборкой в доме, садом, готовкой и уходом за детьми, пока хозяева на работе, занималась нанятая в престижном агентстве прислуга.

Навешая вместе с сыном родителей в родном Михайловске, Лена старалась производить впечатление занятой, довольной жизнью женщины. Она знала, что ее брак многие, за спиной, считали коммерческим. Поэтому с двойным рвением занялась профессиональным саморазвитием и в считанные годы доросла до заведования пульмонологии. Взятки Елена Твитиная не брала принципиально. Предпочитала принимать благодарность в виде помощи с ремонтом, заменой оборудования, покупкой новых постельных комплектов для стационара. Вскоре левое крыло второго этажа преобразилось настолько, что стало напоминать социализм в отдельно взятом помещении.

При этом сама Твитиная прочно погрузилась в навязчивый быт постсоветской интеллигенции с его вынужденной экономией, приматом духовности над действительностью и профессионального успеха над финансовым. Ее рабочий кабинет выглядел куда богаче домашней спальни. И если Алексей мирился с подобным положением, то Лену эта ситуация не устраивала. Ждать, когда в России начнут ценить врачей? Она одолжила деньги у знакомых, ушла с работы и бросилась в омут коммерции. Кто бы мог подумать! Твитиная заделалась «челноком». Волшебная сказка Востока открылась для нее ночными базарами в пригороде Стамбула, оптовым шопингом в Эмиратах, израильской контрабандой. Лена привозила товар, сбрасывала его подешевле и тотчас отправлялась за новой партией. Она крутилась как белка в колесе.

Фамильный капитал четы Торнтон увеличивался внушительными темпами. Происходило это не столько благодаря хитроумным стратегиям, сколько благодаря постоянно растущему рынку. В последние годы Ник диверсифицировал свой портфель, вложив значительные средства в недвижимость по всему штату. Покупка домов стала тривиальным способом богатеть. Банки раздавали кредиты направо и налево, не переживая о платежеспособности клиентов. Сюзан уже приглядывала кондо на Гавайях и симпатичное шато в горах Швейцарии для зимнего отдыха, когда однажды, в конце августа, ей приснился странный сон. Ветер отбросил занавеску в их южной спальне, и рухнувший на пол цветочный вазон затопил нежный кремовый ковролин жирной землей Айовы. До самого плинтуса. Той самой, отцовской землей, от которой она пыталась сбежать.

А потом наступил октябрь 2008-го. Автомобиль Ника нашли на парковке «Дорис» с простреленным изнутри боковым стеклом, заляпанным кровью и мозгом. Жизнь Сюзан превратилась в ад. За какие-то несколько дней все их семейные вложения испарились. Компания разорилась, и Сюзан потеряла работу. Банк отобрал коммерческую недвижимость ее и Ника. Прислугу пришлось расчитать. Сюзан дважды давали отсрочку по внесению ипотечных платежей за дом, но видя, что происходит вокруг, она поняла, что и с этими последними стенами ей тоже придется расстаться. Она больше не в состоянии держаться на плаву.

Отец, много повидавший в жизни, научил ее в детстве двум вещам. Всегда рассчитывать только на себя. И никогда не доверять банкам. С ними нужно работать. Их надо использовать. Но никогда нельзя оставлять им ключ от собственной судьбы. Поэтому у отца всегда имелась припрятанная кубышка. Стыдно сказать, Сюзан держала наличность в одной из обувных коробок гардеробной. Месяц назад такую привычку посчитали бы симптомом профессиональной деградации, ведь деньги — любые и все — постоянно должны прирастать. Но теперь все изменилось. Сюзан похоронила супруга. Продала дом на упавшем рынке. И уехала в Висконсин.

Она начала с нуля. Поселилась с детьми в доме, требовавшем незначительного ремонта. Сама разработала новый дизайн. Сама привела дом в порядок, скупая за гроши остатки материалов у строительных и отделочных компаний. Научилась

менять сантехнику, штукатурить и красить. Привыкшая носить повседневный маникюр за четыреста баксов, она почувствовала себя персонажем голливудской комедии «Человек за бортом». Иногда она плакала по ночам. Все это время наличность из коробки «Прадо» позволяла ей и детям сводить концы с концами. Осенью продала дом и переехала с детьми в следующий, побольше. Достигнув дна, рынок американской недвижимости стал постепенно приходить в себя. Как старик после инсульта, он едва шевелил конечностями, не мог говорить и разил грязным подгузником. Но он все еще был жив.

Твитин продолжал пить. Он пах чужой парфюмерией, укоряя супругу в том, что она превратилась в «барыжную стерву». Презрительно считал ее «делишки» упадничеством. И не смотря на классовую ненависть, с удовольствием носил привезенные ею брендовые тряпки, курил купленные для него тонкие сигареты. Лена долго терпела его выходки, не желая лишать сына даже такого отца. Но когда Кириллу исполнилось четырнадцать, переехала в собственный дом и подала на развод. К тому времени она уже подмяла под себя оптовую торговлю турецким ширпотребом в городе. Крутила караванами фур, открыла два пошивочных цеха и пекарню. В новом бизнес-центре Лене принадлежал весь первый этаж. Она без риска сдала его под французский гипермаркет, а за сдачу в аренду через три года приобрела сеть заправок по периметру Екатеринбурга. У нее не было особых предпочтений. Она вкладывалась в любой законный бизнес, суливший прибыль.

Зимой в Туле ее черный «Гелендваген» влетел правым колесом в канализационный люк, повредив шаровую опору. Водитель вызвал эвакуатор. Лена провела сутки в отеле, не расставаясь с мобильным и ноутбуком. Она предполагала, что срочный ремонт на фирменном СТО влетит в копеечку, но, когда выставленный счет вдвое превысил страховое покрытие, приехала лично, чтобы посмотреть владельцу в глаза. Пассажи директоров ее не убедили. После часового разбирательства персонал, уступив ее настойчивости, вызвонил собственника по Скайпу. Лена увидела мужчину в лыжном комбинезоне на фоне альпийского склона. Он в двух словах повторил политику дилерского ценообразования. Мягко, уважительно и доходчиво. Она долго слушала, а потом попросила его снять солнцезащитные очки. В его морщинах, волевом подбородке, волосах, подернутых сединой, в его изменившемся, но странно знакомом голосе, она узнала... свою первую любовь — Колю Симонова. Мальчика, когда-то носившего ее школьный портфель.

Через пять лет после бегства из Чикаго Сюзан открыла собственную реновационную компанию, ориентированную на клиентов со скромным бюджетом. Бесплатные ознакомительные консультации. Материалы со скидкой. Хорошо продуманный дизайн. Она одной из первых ввела институт «прораба на час», универсального специалиста, который за умеренную плату обучал любителей обходиться без профессионального наемного труда и вел объект на всех этапах, от начала и до полного завершения. Что-то вроде воспетого ХАССП — метода контроля критических точек. Услуги компании оказались настолько популярными, что она стремительно обросла филиалами по всей стране и стала одной из самых хорошо продаваемых франшиз.

Сюзан так и не решилась вернуться в финансовый консалтинг. И где-то глубоко, на уровне подсознательного, затаила обиду на мужчин. Она по-прежнему чудесно выглядела. В ее жизни хватало скоротечных увлечений, но все они были до того, как ее познакомили с адвокатом Филом Бейтсом. Национальная ассоциация электриков подала иски в двадцати семи штатах, обвинив местных представителей компании Сюзан в нарушении строительного кодекса, предписывающего для работ с электропроводкой нанимать только лицензированных специалистов. Филу пришлось

доказывать в судах, что, во-первых, советы обывателям касались исключительно поддержания в рабочем состоянии уже имеющейся проводки, а во-вторых, многие из консультантов компании обладали действующей лицензией НАЭ. Он был превосходным юристом и, разделившись с заявителями, подал встречные иски о защите деловой репутации. Сюзан поразили его блестящий ум и самоирония.

Работа привела к обоюдной симпатии. Симпатия перетекла в роман. Бейтс был женат. Он ничего не обещал Сюзан, а она была слишком самодостаточной женщиной, чтобы чего-то требовать или на что-то надеяться. Их обоих устраивала эта размеренная страсть, переросшая в близость, но так и не ставшая браком. Сюзан дала образование детям. Когда они разъехались, она продала дом в Висконсине и поселилась в Вашингтоне, в скромном особняке с двумя спальнями и чудесным видом. Чтобы пить чай с навещавшим ее Филом на задней веранде, любуясь закатным солнцем, ласкающим зелень холмов.

Она по-прежнему вела деятельную жизнь. И благодарила судьбу за то, что та, не дав скатиться в нищету, показала ей подлинную изнанку американской жизни — миф о бесконечном труде как единственном пути к благосостоянию. Этот путь, словно тракт старателей времен золотой лихорадки, был выложен сотнями миллионов трупов, которых можно было избежать, если бы государство относилось к своим гражданам чуточку гуманнее. Как к собственным детям, а не родившимся на его территории батракам с кайлом в руках и надеждой в сердце.

На то, чтобы убедить Николая переехать в Екатеринбург, у Лены ушло три с половиной года. Дело было даже не в его бизнесе, который он вполне мог вести дистанционно. А в обещании покойной супруге присматривать за родней. Его взрослая дочь училась в Лондоне. Впервые появившись в доме у Лены, он повел себя вполне по-свойски, чем-то напоминая пресловутого Гошу из фильма «Москва слезам не верит». Привел в порядок то, что нуждалось в мужской руке. Съездил за продуктами и приготовил изысканный ужин. Лена боялась спугнуть его и потому до поры до времени скрывала часть своих активов и подлинное влияние. С Кириллы, которому Николай сразу понравился своей искренностью и простотой, она взяла слово молчать о делах.

Он узнал о них только тогда, когда по городу замаячили бигборды с портретом нового кандидата в муниципальный совет — Елены Александровны Симоновой. Лену двигали москвичи. Войдя в состав учредителей завода комплектующих, она помогла им с выделением участка под строительство и инфраструктуру, обеспечила благожелательность местных властей. Проект финансировался корейцами. Шаг из «бизнесвумэн» в политику для Лены был одновременно логичен и смешон. Никогда в жизни она не гналась за креслом. Но ее убедили, что это, скорее, выглядит как официальное признание ее значимости для города. В кругах влиятельных людей ее за глаза уже давно называли «мама Лена». Кто-то с теплотой. Кто-то с завистью и неприязнью.

Во втором браке, с Николаем, они прожили двадцать девять лет. Долгих и насыщенных. Она родила ему сына и еще одну дочь. На шестом десятке ее догнало фамильное проклятие Брянчиковых — диабет. По новой методике, дважды в год, она проходила восстановительную терапию в Базеле. Затем начались осложнения на кости таза. Свой собственный медицинский центр, построенный — после дюжины жилых комплексов и нескольких торговых — строительной компанией Кириллы, она открывала уже сидя в инвалидной коляске. В шестьдесят семь Лену Симонову сразил инсульт.

Найли пережила ее. Когда Сюзан понадобился постоянный присмотр, она переехала в «Ласковый бриз», престижный пансион для пожилых людей. У нее была отдельная секция с милым патио. Дети и внуки изредка навещали ее, понимая тщету своих усилий. Последние годы она страдала от деменции и никого из них не узнавала.